

НАУКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Философский подход к пониманию и оценке науки не может быть осуществлен вне рассмотрения науки в качестве феномена культуры, вне рассмотрения науки в контексте культуры. Действительно, наука изначально является порождением определенной культуры. Наука — это важнейший сектор порождающей ее культуры, находящийся в сложных, неоднозначных отношениях с другими ее секторами. С другой стороны, наука сама обладает значительным культуросозидающим потенциалом. Наука изменяется вместе с культурой, в лоне которой она существует; наука, изменяясь, изменяет эту культуру. Таким образом, адекватное понимание и адекватная оценка состояния, функций, возможностей науки на определенном этапе ее развития могут быть даны только при условии ее рассмотрения в контексте той культуры, в лоне которой она существует.

Для решения определенного класса философских, культурологических и, видимо, социологических задач, связанных с пониманием и оценкой науки, полезно ввести понятия «моноцентрическая культура» и «полицентрическая культура».

Разумеется, я не могу здесь детально раскрыть содержание этих понятий. Ограничусь их краткими пояснениями.

Моноцентрическая культура характеризуется наличием у нее господствующего, абсолютно доминирующего сектора. В такой культуре все остальные сектора служебны, вторичны по отношению к доминирующему сектору. Господствующий сектор культуры санкционирует другие ее сектора, диктует им правила игры, придает им смысл. Можно сказать, что доминирующий сектор формирует все остальные сектора культуры. Моноцентрическая культура характеризуется высокой степенью интегрированности, целостности. Целостность культуры достигается здесь за счет, по сути, полной зависимости других секторов культуры от господствующего сектора. Совершенно очевидно, что целостность является сильной стороной культуры такого рода. Моноцентрическая культура — это органическая, стабильная культура, имеющая, по сути, общепринятую в рамках этой культуры систему ценностей, надежные способы решения социальных и личностных проблем и т. д. Однако, с другой стороны, моноцентрическая культура — это

«жесткая», замкнутая культура, система, склонная к зарегулированности и авторитаризму.

По моему мнению, история культуры дает осуществление лишь одного вида моноцентрической культуры. Я имею в виду культуру религиозноцентрическую. Действительно, на протяжении многих столетий именно религия определяла характер и сущность всех остальных секторов культуры (образования, морали, политики, права, искусства, философии...). Это справедливо по отношению к западноевропейской культуре, по отношению к культуре Руси-России, по отношению к соответствующим периодам в развитии многих других локальных культур.

Что пришло или приходит на смену религиозноцентрической культуры? — Априори можно рассуждать так: развитие культуры сводится к смене доминирующих, господствующих ее секторов. В таком случае история культуры предстала бы перед нами как смена различных видов моноцентрической культуры: например, «правоцентрическая культура» сменяет «политикоцентрическую культуру», ей на смену приходит «культура искусствовцентрическая» и т. д. Такое рассуждение в некоторой мере правомерно. И можно было бы подобрать ряд примеров, свидетельствующих, как кажется, в его пользу. Если принять такое рассуждение, то на смену религиозноцентрической культуре, имевшей место в средневековой Европе, приходит культура эпохи Возрождения, которую в рамках этого подхода можно было бы характеризовать как искусствовцентрическую. В рамках этого же подхода европейскую (и североамериканскую) культуру 20-го века следовало бы характеризовать как наукоцентрическую.

Не отрицая в принципе возможности осуществления различных видов моноцентрической культуры, подчеркну, что, на мой взгляд, развитие европейской культуры, начиная с эпохи Возрождения, а позднее — североамериканской и российской культур, все-таки точнее характеризовать не как смену различных видов моноцентрической культуры, а как период становления и развития полицентрической культуры.

В ходе становления такой культуры различные сектора культуры освобождались от определяющего влияния религии, обретали все большую степень автономности, начинали развиваться в соответствии со своей собственной логикой. При этом, конечно, в значительной мере разрушается прежняя интегрированность, целостность культуры. Разные сектора культуры начинают «работать на себя». Становится реальной опасность распада культуры на слабо скоррелированные между собой сектора. Разрушение целостности

культуры проявляется в мировоззренческом, ценностном кризисе, характерном для переходной культуры. В это время между разными секторами культуры возникает своего рода соревнование на предмет степени их влияния на общественную и частную жизнь человека. На различных этапах становления полицентрической культуры казалось, что тот или иной сектор культуры становится доминирующим, а культура вновь становится моноцентрической.

Так, в 20-м веке стало казаться, что определяющую роль в культуре многих регионов мира играет наука (и в неразрывном единстве с ней развивающиеся техника и технология). В это время весомо заявила о себе сциентистская позиция, в основе которой лежит убеждение в том, что наука есть высшее достижение культуры и универсальное средство решения всех человеческих проблем. В это время в общественное сознание широко вошло убеждение в том, что социальная и частная жизнь человека должны выстраиваться на научной основе. Многие сектора культуры в это время вольно или невольно подстраиваются под науку. Все или почти все стремится стать научным: «научная философия», «научное мировоззрение», «научная идеология»...; «этика — это наука», «эстетика — это наука», «литературоведение — это наука»... Существенно, что на ранней стадии развития такого общества (общества, стремящегося стать наукоцентричным) в качестве идеала науки выступает «точное естествознание» (механика, физика). Поэтому остальные науки стремились тогда уподобиться естествознанию. По крайней мере, в тогдашнем обществе явно просматривалось пожелание к социальным, историческим, гуманитарным наукам: станьте настоящими, зрелыми науками, станьте как физика. И только постепенно приходит осознание, во-первых, своеобразия и самоценности различных классов наук, во-вторых, — самоценности и своеобразия вненаучных секторов культуры.

Здесь важно подчеркнуть, что даже в период верхней кульминации авторитета науки в глазах общества она (наука) не была господствующим, доминирующим сектором культуры. Ныне в обществе все более фундаментально осознается факт относительной автономности и самоценности различных секторов культуры. Сциентистские характеристики других (вненаучных) секторов культуры как архаических и отживших свой век (религия), как второстепенных, служебных (художественная литература, искусство), как не доросших до уровня науки, примитивных (обыденная, повседневная, народная культура) все более уходят в прошлое.

Это может интерпретироваться как ослабление влияния науки на другие сектора культуры, как понижение социального статуса

науки. В принципе, не исключено и это. Тем более, что в наши дни широкое распространение получил антисциентизм, питаемый целым комплексом источников. Все-таки, я склонен оценивать преодоление предшествующей, условно говоря, «сциентистской» стадии в развитии культуры не как падение роли и значимости науки, а как обретение наукой своего истинного места в контексте формирующейся полицентрической культуры. На этом пути, конечно, имеют место и будут различного рода эксцессы (как сциентистского, так и антисциентистского толка), но, в общем, идет процесс формирования и развития нового типа культуры (полицентрической культуры) и нахождения наукой своего места в ней.

Каково же место науки в полицентрической культуре? — Разумеется, это тема для большого исследования. Я выскажу здесь только несколько суждений в связи со сформулированным вопросом. При этом, естественно, я буду исходить из некоторого представления о полицентрической культуре.

Прежде всего, ясно, что полицентрическая культура представляет собой систему взаимосвязанных и взаимопроникающих, относительно самостоятельных секторов культуры. Для осуществления более или менее гармонических отношений между этими секторами каждому из них (в лице их творцов и носителей, а также философов и культурологов) необходимо осознать свою собственную специфику, свои возможности и пределы. Каждому сектору следует выработать стратегию построения долговременных отношений с другими секторами культуры. При этом, видимо, надо исходить из того, что у каждого сектора культуры есть свое «твердое ядро», которое определяет специфику, природу этого сектора. Это «твердое ядро» необходимо защищать от покушений со стороны других, в частности соседних секторов культуры, поскольку разрушение этого «твердого ядра» будет означать исчезновение соответствующего сектора культуры, извращение его природы. Видимо, у каждого сектора культуры есть также своего рода «внешние оболочки», которые в значительной мере пересекаются друг с другом, образуя комплексные, переходные феномены культуры, несущие на себе черты двух или нескольких секторов культуры.

Так, если вернуться к рассмотрению места науки в полицентрической культуре, то можно сказать, что ее «твердое ядро» фиксируется теми требованиями, которые обычно предъявляются к науке (наличие собственных — научных — методов познания, когерентность, верифицируемость знания, доказательность, обоснованность положений, наличие особого языка, признанность соответствующим научным сообществом и т. д.). Всем этим требованиям

(идеалам и нормам науки) не удовлетворяет ни одна реальная наука. Чистая наука (наука, состоящая только из своего «твердого ядра») — это идеальный тип. Реальная наука всегда окружена соответствующими «внешними оболочками», включающими в свой состав кентаврообразные и вненаучные элементы (философские, теологические, мифологические, идеологические, обыденные и т. д.). Пока эти кентаврообразные (научно-вненаучные) и собственно вненаучные элементы присутствуют в некоторой науке локально, в форме вкраплений и т. п., эта наука может нормально функционировать и развиваться. Однако если в данной науке упомянутых элементов становится все больше, и их роль в ней значительно возрастает, если такие элементы проникают в «твердое ядро» этой науки, может произойти превращение, перерождение данной науки в нечто иное (в натурфилософию, например, если в некоторую естественнонаучную дисциплину вторгнется значительный массив философских элементов; в идеологическую доктрину, если в некоторой социальной дисциплине тон начинают задавать идеологические установки; в паранауку, если довлеют мифологические элементы, и т. д.). Существование таких комбинированных, переходных феноменов культуры, видимо, следует воспринимать как естественный факт. Эти феномены необходимо изучать, необходимо отличать их от науки и давать им корректную оценку.

Что касается определения возможностей и пределов науки, то это ныне вопрос чрезвычайно актуальный. Дело в том, что в наши дни появляется все больше трудов весьма авторитетных авторов, в которых роль науки оценивается явно негативно. Наука в этих трудах объявляется виновной едва ли не во всех бедах человечества (см. работы К. Свасьяна, Г. Г. Майорова, Д. В. Пивоварова и др.). Как я уже отмечал, причин для нынешнего всплеска антинаучных настроений много. Однако в значительной мере они (антинаучные настроения) являются своеобразной реакцией на преобладающие на предшествующей — сциентистской — стадии развития общества нереалистичные, утопические оценки возможностей науки, они питаются неверным пониманием возможностей и пределов науки.

Так, например, никто их серьезных авторов в наши дни не будет утверждать всеисилия науки, не будет утверждать ее способности достичь Абсолютную истину. Но это, разумеется, не отрицает колоссальных достижений науки в самых различных областях. Конечно, авторы, пишущие о «тщете» науки укажут, что далеко не по всем направлениям наука достигла впечатляющих результатов. Этот аргумент надо принять. И тут же необходимо внимательно про-

анализировать те направления науки, которые не дали больших достижений. Этот анализ должен дать ответ на вопрос: почему дело обстоит именно так? — Может быть, причина в недостаточном внимании общества к данным направлениям науки (недостаточное финансирование соответствующих исследований, их непрестижность и т. п.). Может быть, дело в том, что эти направления в своем развитии еще не достигли необходимой для совершения эпохальных открытий стадии зрелости. Может быть, дело в том, что объекты, на которые направлены познавательные усилия этих научных направлений, более доступны иным — вненаучным — формам познания. Вряд ли, например, наука достигнет больших успехов в познании любви. Этот «объект» более доступен искусству, поэзии, философии. Тем более, далек от науки такой «объект познания» как Бог. Им более успешно занимаются религия и мистика. Недостаточно обоснованы, на мой взгляд, обвинения науки в том, что ее развитие привело к ценностно-смысловому вакууму, столь характерному современному обществу. Дело в том, что наука сама по себе, «напрямую» не решает аксиологические проблемы. Поэтому ее влияние на формирование аксиологической составляющей мировоззрения является косвенным, опосредованным. Значительно более весом вклад науки в формирование знаниевой составляющей мировоззрения. Очевидно, однако, что характер мировоззрения в решающей мере определяется именно ее аксиологической составляющей, вклад науки в которую, как уже сказано, незначителен. Поэтому упреки науке в нынешнем ценностно-смысловом вакууме, по сути, — упреки не по адресу. Поэтому, кстати, невозможно создание научного в достаточно строгом смысле этого слова мировоззрения (см. подробнее об этом в моей книге [1]). В связи с этим должны быть сняты обвинения в адрес науки, обусловленные трагическими последствиями того, что творилось в недавнем прошлом в нашей стране от имени «научного мировоззрения».

Понятно, что в этой небольшой статье я не могу входить в детали рассмотрения взаимоотношений науки с другими секторами культуры. Упомяну только в качестве примера таких взаимоотношений и их основных характеристик весьма актуальную для наших дней проблему и основные модусы взаимоотношений науки и религии.

Можно показать (см. об этом в книге И. Барбура [2]), что история взаимоотношений науки и религии может быть достаточно адекватно описана, если иметь в виду четыре модуса этих взаимоотношений: конфликт, независимость, диалог и интеграция. В

наше время также имеют место все эти виды отношений между указанными секторами культуры. Следует только аккуратно разобраться по каким проблемам и в каких формах между наукой и религией имеет место конфликт, по каким — независимость, по каким вопросам и в каких формах возможен между ними диалог, по каким — интеграция. Если представители науки и религии будут иметь в виду пределы своей компетенции, если они не будут покушаться на «твердое ядро», соответственно, науки и на «твердое ядро» религии, между ними могут быть выстроены цивилизованные и долговременные отношения.

Наука, являясь подсистемой социокультурной системы, всегда испытывает более или менее сильные воздействия со стороны других секторов и сфер общественной жизни. Некоторые из этих воздействий столь существенны и систематичны, что они могут быть в качестве регулирующих функционирование и развитие науки. В религиоцентрическом обществе регулированием науки занималась религия. И в наше время религия продолжает оказывать определенное регулирующее воздействие на науку. В некоторых типах общества на роль регулятора развития науки претендовала нерелигиозная идеология. Так было, в частности, в советском обществе. Разумеется, из развитие науки оказывает существенное регулирующее воздействие политика. Это воздействие в целом может быть охарактеризовано как противоречивое по своим последствиям. В наши дни в большей мере развитие науки пытаются регулировать этика и экология.

Возникают естественные вопросы: насколько правомерны притязания, в частности, этики на регулирующую роль по отношению к науке; насколько благотворно для науки и культуры в целом может быть такое регулирование?

Видимо, наиболее адекватен сути полицентрической культуры вариант взаимного увязывания, взаимного соответствия различных секторов культуры. Впрочем, здесь остается достаточно серьезный вопрос: как достигается целостность полицентрической культуры? Будет ли в ней некий доминирующий, законодательный сектор (например, морально-правовой), интегрирующий все остальные сектора и в некотором смысле регулирующий их. — В таком случае полицентрическая культура, по сути, не будет отличаться от культуры моноцентрической. Будет ли целостность полицентрической культуры достигаться за счет взаимодействия и столкновения автономных секторов культуры, развивающихся в соответствии со своей собственной логикой? — Такой механизм, видимо, имеет место в реальной истории становления полицентрической

культуры. Если исходить из некоего гуманистического идеала, то целостность формирующейся полицентрической культуры должна достигаться на основе высших ценностей (истина, добро, справедливость, свобода, красота...), которые формируются не отдельными секторами культуры, а культурой как целостностью. В таком случае эти — высшие — ценности находятся в некотором смысле над актуально существующими секторами культуры и регулируют их развитие, регулируют развитие науки, в частности.

1. Финогентов В. Н. Лекции по философии науки: Учеб. пособие для аспирантов. Уфа. 2006.

2. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., 2001.

В. П. Червонный
Екатеринбург

ИДЕАЛЫ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Известный российский мыслитель Дм. Фурман полагает, что одна из главных причин кризиса российского общества состоит в «нашем неумении быть свободными». Данная идея заметно перекликается с выраженной задолго до упомянутого московского профессора тревогой столкнов российской духовности, особенно П. Я. Чаадаева, по поводу начиненной бациллами сервильности духовно-культурной ориентации многих россиян. Думается, имеется немало оснований для констатации того факта, что большой процент российской молодежи не обладает отмеченным «умением», особенно если иметь в виду подлинный, фундаментальный смысл свободы.

Многие российские студенты представляют суть свободы в весьма ограниченном, «культурно-бытовом» аспекте: в плане материальной независимости от родственников либо, в лучшем случае, наличия набора формально трактуемых политических прав, которыми они зачастую склонны наделять и экстремистов, в том числе нацистского толка. Нередко ядром студенческого менталитета являются эрзац-ценности, неотрывные от пропаганды культа денег, быстрого, не подготовленного собственным трудом, успеха в бизнесе, несоотносимого с «кодексом чести» предпринимателя, банкира, от ориентации на экстремистский национал-патриотизм, наркопаллиативы и т. п. Достаточно редка позиция, согласно которой свобода есть осознанный человеком духовный выбор, но и в этом подходе она, как правило, не ассоциируется с процессом профессиональной